

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
28 January 2016
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 586/2014

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят шестой сессии
(9 ноября – 9 декабря 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Р.Г. и др. (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельтом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	21 января 2014 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	25 ноября 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	депортация в Российскую Федерацию
<i>Процедурные вопросы:</i>	приемлемость; обоснование жалобы
<i>Вопросы существа:</i>	невыводение
<i>Статьи Конвенции:</i>	3 и 22

GE.16-01187 (EXT)

* 1 6 0 1 1 8 7 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят шестая сессия)

относительно

Сообщения № 586/2014*

<i>Представлено:</i>	Р.Г. и др. (представлены адвокатом Йоханом Лагерфельтом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	заявители
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата сообщения:</i>	21 января 2014 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 25 ноября 2015 года,

завершив рассмотрение жалобы № 586/2014, представленной ему Р.Г. и др. в соответствии со статьей 22 Конвенции,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителями, их адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителями являются Р.Г., его жена Л.Г. и четверо их несовершеннолетних детей. Заявители являются гражданами Российской Федерации, этническими чеченцами, принадлежащими к меньшинству мелхи. На момент представления сообщения они проживали в Швеции в ожидании депортации в Российскую Федерацию. Они утверждают, что их депортация Швецией в Российскую Федерацию нарушила бы их права по статье 3 Конвенции. Конкретная дата депортации семьи еще не была назначена. Тем не менее, на момент представления жалобы в Комитет семью уже вызывали в Миграционную службу для того, чтобы обсудить их возвращение. Заявители представлены адвокатом.

* В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Эссадия Бельмир, Алессио Бруни, Сатьябхусун Гупт Дома, Абдулайе Гайе, Йенс Модвиг, Сапана Прадхан-Малла, Георгий Тугуши и Кенин Чжан.

1.2 Руководствуясь правилом 114 своих правил процедуры, Комитет 30 января 2014 года просил государство-участник воздержаться от депортации заявителей в Российскую Федерацию на период рассмотрения их жалобы Комитетом.

Факты в изложении заявителей

2.1 Первый заявитель Р.Г. родился в Казахстане 12 августа 1969 года, его жена и трое старших детей родились в Чечне; младший ребенок родился в апреле 2012 года в Швеции. Первый заявитель был активным бойцом сопротивления в ходе чеченского конфликта 1994–1996 годов. В 1999 году, когда конфликт начался вновь, он продолжил поддерживать чеченское сопротивление, поставляя продовольствие и снабжение партизанам.

2.2 В 2007 году первый заявитель подозревался в убийстве группы полицейских. Его арестовали, содержали в режиме строгой изоляции в течение десяти дней, жестоко избивали, подвешивали вниз головой и пытали электричеством. У него были выбиты зубы и сломаны в нескольких местах ребра. После уплаты взятки властям он был освобожден и госпитализирован на два месяца, чтобы оправиться от полученных повреждений. После выздоровления он продолжил оказывать помощь чеченским партизанам, стараясь не афишировать свою деятельность.

2.3 В сентябре 2011 года племянник первого заявителя был арестован по подозрению в причастности к взрывам в городе Грозный в августе 2011 года. Знакомый первого заявителя, работающий в полиции, предупредил его о том, что был выдан ордер также и на его арест. Он опасался ареста, так как считал, что его племянника могут подвергнуть пыткам, и он не сможет выдержать допросы. В связи с этим он бежал в Ингушетию. На следующий день он позвонил своей жене, которая сообщила ему, что сотрудники сил безопасности приходили к ним домой, сожгли его автомобиль и обнаружили оружие около дома. Заявитель утверждает, что это оружие было подброшено властями для того, чтобы предъявить ему ложные обвинения.

2.4 После этого жена первого заявителя продала дом и уплатила взятку властям, чтобы они прекратили ведущееся против него расследование. Вместо этого ей было предъявлено обвинение в соучастии. Сотрудники сил безопасности неоднократно задавали ей вопрос о местонахождении заявителя. Жена и дети заявителя смогли воссоединиться с ним в Ингушетии только в конце февраля 2012 года, после чего они решили покинуть Российскую Федерацию. 11 марта 2012 года они прибыли в Швецию.

2.5 12 марта 2012 года заявители подали ходатайство о предоставлении убежища. 15 июля 2013 года Миграционная служба Швеции отклонила их ходатайство, сославшись на нестыковки в показаниях и недостаточную правдоподобность представленной заявителями информации. Им не удалось убедить Службу в том, что последним местом их проживания являлась Чечня. Кроме того, Служба пришла к выводу, что с 2007 года ситуация в Чечне изменилась, и власти Российской Федерации заинтересованы в поиске лиц, которые до сих пор активно противостоят режиму, а не бывших боевиков. Вместе с тем Служба признала, что заявитель участвовал в конфликтах 1994–1996 и 1999 годов, подвергался в 2007 пыткам со стороны сотрудников полиции и был освобожден после уплаты взятки. Служба в конечном итоге пришла к выводу, что в настоящий момент в Чечне не наблюдается какого-либо вооруженного конфликта или серьезного конфликта другого рода.

2.6 Заявители обжаловали это решение в Миграционном суде, который отклонил их жалобу 19 ноября 2013 года. Суд постановил, что факт применения пыток к заявителю в 2007 году не является сам по себе достаточным основанием для предоставления ему защиты. Он далее подтвердил вывод Миграционной службы относительно того, что характер конфликта в Чечне изменился с 2007 года, и что показания заявителей не вызывают доверия.

2.7 19 декабря 2013 года Апелляционный миграционный суд отклонил ходатайство заявителей о подаче апелляционной жалобы. Решение Миграционного суда таким образом стало окончательным. Заявители утверждают, что они исчерпали все внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Заявители указывают на наличие веских оснований считать, что в случае возвращения в Российскую Федерацию, первый заявитель подвергнется пыткам. Первый заявитель утверждает, что в 2003 году его брат был забит до смерти во время содержания под стражей в полиции, а местонахождение его племянника неизвестно с момента его ареста в сентябре 2011 года, при этом имеются основания полагать, что он также скончался во время содержания под стражей. Кроме того, он утверждает, что после его бегства в Ингушетию разыскивающие его сотрудники сил безопасности приходили к его жене. Он делает вывод, что события указывают на существование практики систематического личного третирования и преследования. Заявители заключают, что в случае высылки Швеция нарушит свои обязательства по невыдворению, предусмотренные статьей 3 Конвенции.

3.2 Заявители представили письмо от 4 февраля 2001 года о рассмотрении ходатайств о защите, которые могут быть поданы чеченскими беженцами Управлению Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)¹. Согласно этому письму, по данным комплексной оценки УВКБ, в 2003 году все просители убежища из Чечни нуждались в международной защите, в то время как в 2011 году ситуация изменилась, благодаря общему улучшению положения в области безопасности. УВКБ отметило, однако, что личная неприкосновенность и права членов незаконных вооруженных формирований и их родственников, политических оппонентов и правозащитников могут подвергаться риску. УВКБ рекомендовало рассматривать каждое ходатайство чеченских беженцев о предоставлении защиты отдельно по существу каждого из них. Управление добавило, что внутреннее перемещение в Чечне или других регионах Российской Федерации не должно рассматриваться как основание для предоставления просителям убежища из Чечни статуса беженца по смыслу статьи 1А Конвенции о статусе беженцев.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 11 июля 2014 года государство-участник сообщило, что дело заявителей рассматривалось в соответствии с Законом 2005 года об иностранцах, вступившим в силу 31 марта 2006 года. Поскольку Комитет прекрасно осведомлен о содержании соответствующего внутреннего законодательства из материалов других дел против Швеции, касающихся высылки иностранных граждан, а также в

¹ Заявитель представил своему адвокату копию письма, подписанную старшим региональным сотрудником по правовым вопросам Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, от 4 февраля 2011 года.

связи с тем, что внутренние решения и постановления судов содержат ссылки на соответствующее внутренне законодательство, о котором заявителям должно быть хорошо известно, государство-участник не считает необходимым предоставлять какую-либо дополнительную информацию в этой связи. Тем не менее, стоит отметить, что Закон 2005 года об иностранцах и поправки к Закону доступны в Интернете на английском языке.

4.2 Государство-участник сообщает, что первый, второй, третий, четвертый и пятый заявители, согласно представленной ими же самими информации, прибыли в Швецию 11 марта 2012 года и подали ходатайство о предоставлении убежища на следующий день. Шестой заявитель родился на территории Швеции 27 апреля 2012 года, а 8 августа 2012 года через государственного адвоката было подано ходатайство о предоставлении ему убежища. Миграционная служба отклонила их ходатайства и 15 июля 2013 года приняла решение об их высылке в Российскую Федерацию. Решение было обжаловано в Миграционном суде, который отклонил жалобу 19 ноября 2013 года. 19 ноября 2013 года Апелляционный миграционный суд отказался дать разрешение на апелляцию, и решение о высылке заявителей стало окончательным и не подлежащим обжалованию.

4.3 Государство-участник сообщает, что в соответствии с разделом 22 главы 12 Закона об иностранцах срок действия постановления о высылке, которое не было выдано общегражданским судом, истекает через четыре года после того, как оно становится окончательным и не подлежащим обжалованию. В этой связи государство-участник хотело бы обратить внимание Комитета на тот факт, что срок действия решения о высылке заявителей истечет, таким образом, 19 декабря 2017 года. Это означает, во-первых, что постановления о высылке заявителей не будут иметь силы после этой даты, а заявителям не будет угрожать высылка. Во-вторых, новое ходатайство о предоставлении убежища и вида на жительство и причины, обуславливающие его подачу, будут вновь рассмотрены в полном объеме, а отрицательное решение Миграционной службы может быть обжаловано в Миграционном суде и Апелляционном миграционном суде. Кроме того, процедура исполнения постановления о высылке может занять много времени. Поэтому исключительно важно, чтобы Комитет рассмотрел вопрос приемлемости и/или существа настоящего сообщения заблаговременно, с тем чтобы осталось достаточно времени для осуществления этой процедуры, если Комитет сочтет сообщение неприемлемым или не выявить каких-либо нарушений Конвенции.

4.4 Государство-участник сообщает, что заявители первоначально сообщили Комитету о том, что в 2007 году первый заявитель был арестован и подвергся пыткам со стороны чеченских властей и был обвинен в причастности к убийству нескольких сотрудников полиции. Кроме того, в 2011 году он был ложно обвинен в причастности к ряду взрывов в Грозном в августе того же года, а также в незаконном хранении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Второй заявитель утверждает, что ей были предъявлено обвинение в соучастии в действиях первого заявителя. Третий, четвертый, пятый и шестой заявители представляют те же основания для предоставления им убежища, что и их родители. Заявители утверждают, что их жизнь могла бы оказаться в опасности в случае их возвращения в Российскую Федерацию. В этой связи они заявляют, что их высылка в Российскую Федерацию представляла бы собой нарушение статьи 3 Конвенции.

4.5 Государство-участник сообщает, что оно не располагает какой-либо информацией, указывающей на то, что данное дело рассматривалось или рассмат-

ривается в рамках какой-либо другой процедуры расследования или урегулирования. Оно ожидает, что Комитет подтвердит вышесказанное в ходе рассмотрения вопроса приемлемости сообщения.

4.6 Государство-участник не оспаривает утверждение, что в настоящем деле были исчерпаны все доступные внутренние средства правовой защиты.

4.7 Как полагает государство-участник, утверждения заявителей, будто они подвергаются риску обращения, равносильному нарушению статьи 3 Конвенции, если они вернутся в Российскую Федерацию, не достигают минимального уровня обоснованности, требуемого для целей приемлемости. В этой связи государство-участник утверждает, что настоящее сообщение является явно необоснованным, а тем самым и неприемлемым согласно статье 22 (2) Конвенции и правилу 113 b) правил процедуры Комитета². Общая ссылка в этой связи делается на то, что говорится ниже относительно существа сообщения.

4.8 Государство-участник утверждает, что если Комитет сочтет, что данное сообщение является приемлемым, то вопрос существа, подлежащий рассмотрению Комитетом, заключается в том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Российскую Федерацию нарушением обязательства Швеции по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать какое-либо лицо в другое государство при наличии серьезных оснований полагать, что там ему или ей может угрожать применение пыток. При заключении на тот счет, будет ли принудительное возвращение лица в другую страну представлять собой нарушение статьи 3, Комитету надо принимать в расчет все соответствующие соображения, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в этой стране. Между тем, как неоднократно подчеркивал Комитет, цель такого заключения состоит в том, чтобы установить, будет ли соответствующему лицу лично грозить риск подвергнуться пыткам в стране, в которую оно будет возвращено. Отсюда следует, что наличие в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его или ее возвращения в эту страну. Чтобы установить нарушение статьи 3 должны существовать дополнительные основания, свидетельствующие о том, что соответствующее лицо будет лично подвергаться риску³.

4.9 Государство-участник сообщает, что при определении того, будет ли принудительное возвращение заявителей в Российскую Федерацию представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, имеют значение следующие соображения: а) общая ситуация с правами человека в Российской Федерации; и, в частности, б) личный риск заявителей подвергнуться пыткам после возвращения в страну. Кроме того, государство-участник ссылается на практику Комитета, согласно которой бремя доказывания в таких случаях, как настоящий, лежит на заявителе, который должен представить веские доводы, устанавливающие, что он/она сталкивается с предсказуемой, реальной и личной опасностью подверг-

² Государство-участник ссылается, в частности, на сообщение № 216/2002, *Х.И.А. против Швеции*, решение о неприемлемости, принятое 2 мая 2003 года, пункт 6.2.

³ Государство-участник ссылается на сообщения № 150/1999, *С.Л. против Швеции*, соображения, принятые 11 мая 2001 года, пункт 6.3, и № 213/2002, *Э.Ж.В.М. против Швеции*, решение, принятое 14 ноября 2003 года, пункт 8.3.

нуться пыткам⁴. Вдобавок риск применения пыток надо оценивать, исходя из более веских оснований, нежели чисто умозрительные предположения или подозрения. Хотя риск не должен обязательно соответствовать критерию «высокой вероятности», он должен носить личный и реальный характер⁵.

4.10 Что касается общей ситуации с правам человека в Российской Федерации, то, как отмечает государство-участник, с учетом того, что Российская Федерация является участницей Конвенции и Международного пакта о гражданских и политических правах, оно полагает, что Комитету хорошо известна общая ситуация с правами человека в стране, включая нынешнюю ситуацию на Северном Кавказе. В этой связи государство-участник считает достаточным сослаться на информацию о ситуации с правами человека в Российской Федерации, содержащуюся в последних докладах⁶. Хотя имеющиеся доклады свидетельствуют о том, что общий уровень насилия и серьезных нарушений прав человека в Чечне, Российская Федерация, в последние годы сократился, государство-участник отмечает, что до сих пор поступают сообщения о нарушениях прав человека, включая исчезновения, жестокое обращение, пытки и убийства. В этой связи государство-участник не желает исключать из рассмотрения озбоченности, которые могут на законных основаниях высказываться в связи с нынешней ситуацией с правами человека в Российской Федерации, а именно – в регионе Северного Кавказа. Тем не менее сама по себе нынешняя ситуация в Чечне, как она описана в вышеупомянутых докладах, не является достаточным основанием, чтобы констатировать, что общая ситуация в регионе такова, что высылка заявителей повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции⁷. Поэтому государство-участник утверждает, что высылка заявителей в Российскую Федерацию повлекла бы за собой нарушение Конвенции, только если они смогли бы доказать, что им лично грозит риск подвергнуться обращению, противоречащему статье 3. Государство-участник отмечает, что заявители не смогли обосновать свои утверждения о том, что они столкнулись бы с таким риском.

⁴ Государство-участник ссылается на сообщение № 178/2001, *Х.О. против Швеции*, сообщения, принятые 13 ноября 2001 года, пункт 13, и сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 года, пункт 7.3.

⁵ Государство-участник ссылается, к примеру, на замечание Комитета общего порядка № 1 (1997 год) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, пункты 5–7.

⁶ Государство-участник ссылается на доклад о правах человека в России за 2013 год, опубликованный Государственным департаментом Соединенных Штатов Америки; ежегодный доклад «Международной амнистии» за 2013 год по России, *Всемирный доклад «Хьюман райтс уотч» за 2014 год*: Россия; страновой обзор шведской Миграционной службы по Российской Федерации («Landprofil Ryssland») от 25 февраля 2011 года; доклад шведского Министерства иностранных дел о правах человека в Российской Федерации за 2011 год («Mänskliga rättigheter i Ryska Federationen»); доклады, публикуемые Норвежским информационным центром по странам происхождения, включая: «Tsjetsjenia Sikkerhetssituasjonen» от 15 мая 2014 года и «Temanotat Tsjetsjenia: Tsjetsjenske myndigheters reaksjoner mot opprørere og personer som bistår opprørere» от 26 октября 2012 года; доклад, опубликованный датским Советом по делам беженцев «Flygtingenaevnets baggrundsmateriale, Landeprofil: Tjetjenien»; руководящие принципы Европейского совета по делам беженцев «Guidelines on the Treatment of Chechen Internally Displaced Persons (IDPs), Asylum Seekers and Refugees in Europe».

⁷ Государство-участник ссылается, к примеру, на дело Европейского суда по правам человека *И. против Швеции*, заявление № 61204/09, постановление от 5 сентября 2013 года, пункт 58.

4.11 Государство-участник хотело бы обратить внимание Комитета на то, что несколько положений Закона об иностранцах отражают те же принципы, что и в статье 3 Конвенции. Таким образом, при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища по Закону об иностранцах шведские миграционные ведомства применяют того же рода критерий, что применяется Комитетом при рассмотрении жалоб по Конвенции. На то, что в данном случае был применен такой критерий, указывает тот факт, что при вынесении решений власти Швеции ссылаются на разделы 1, 2 и 2а главы 4 Закона об иностранцах. Кроме того, в соответствии с разделами 1–3 главы 12 Закона об иностранцах иностранный гражданин ни при каких обстоятельствах не может быть выслан в страну, в отношении которой имеются разумные основания полагать, что он может подвергнуться там угрозе смертной казни или телесным наказаниям, пыткам или другим бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, или в страну, где иностранец не будет защищен от высылки в страну, в которой он может подвергнуться такой угрозе.

4.12 Кроме того, государство-участник отмечает, что национальные власти имеют все возможности для анализа информации, предоставленной просителем убежища, и оценки достоверности его утверждений. В этой связи государство-участник хотело бы подчеркнуть, что в данном случае как Миграционная служба, так и Миграционный суд, тщательно изучили дело заявителей. Когда заявители подали ходатайство о предоставлении убежища, Миграционная служба провела несколько индивидуальных бесед с первым и вторым заявителями, с тем чтобы дать им возможность рассказать о причинах, по которым они нуждаются в защите и объяснить все факты, имеющие отношение к оценке Миграционной службы. Подробные беседы с заявителями проводились в присутствии их адвоката и переводчика, которому заявители подтвердили, что хорошо все понимали. Кроме того, Миграционная служба провела несколько бесед о детях со вторым заявителем как с матерью третьего, четвертого и пятого заявителей, а также с первым и вторым заявителями как с родителями появившегося на свет в Швеции шестого заявителя, от имени которого было подано ходатайство о предоставлении убежища. Кроме того, заявители представили свое дело в письменном виде Миграционной службе и миграционным судам. На протяжении всей процедуры рассмотрения вопроса о предоставлении убежища заявителями были представлены адвокатом. Решение Миграционной службы было обжаловано, но не было отменено Миграционным судом. На этом фоне, как считает государство-участник, надо учитывать, что Миграционная служба и миграционные суды располагали достаточной информацией, а также фактами и документацией по делу, чтобы построить прочную основу для проведения компетентной, транспарентной и разумной оценки риска в связи с потребностями заявителей в защите в Швеции.

4.13 В этой связи государство-участник хотело бы напомнить пункт 9 замечания Комитета общего порядка № 1 (1997 год) об осуществлении статьи 3 Конвенции, а также его практику, согласно которой Комитет не является апелляционным, квазисудебным или административным органом, и значительный вес будет придаваться фактологическим выводам, которые были сделаны органами соответствующего государства-участника⁸. Кроме того, Комитет счел, что оценивать факты и доказательства по конкретному делу надлежит не Комитету, а судам государств – участников Конвенции, если только не может быть установ-

⁸ Государство-участник ссылается, к примеру, на сообщение № 277/2005, *Н.З.С. против Швеции*, решение, принятое 22 ноября 2006 года, пункт 8.6.

лено, что способ оценки таких фактов и доказательств носил явно произвольный характер или был равносител отказу в правосудии⁹.

4.14 Государство-участник сообщает, что Миграционная служба и миграционные суды являются специализированными органами и располагают экспертным опытом в вопросах законодательства и практики применительно к предоставлению убежища, и что нет никаких оснований для вывода о том, что постановления национальных органов были неадекватными или что исход разбирательства внутри страны был результатом каких-либо произвольных действий или равносител отказу в правосудии. Соответственно государство-участник полагает, что надо придавать большое значение мнению шведских миграционных ведомств, указанных в их постановлениях с предписанием о высылке заявителей в Российскую Федерацию.

4.15 Кроме того, государство-участник отмечает, что заявители утверждали, что их высылка в Российскую Федерацию будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку они рискуют подвергнуться обращению, противоречащему правам, закрепленным в Конвенции, в случае возвращения, главным образом из-за того, что первому заявителю были предъявлены обвинения в причастности к взрывам в Грозном в августе 2011 года и незаконном хранении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Государство-участник, как и миграционные власти, считает, что ряд факторов дают основания поставить под сомнение правдивость утверждения заявителей о том, что им будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции в случае возвращения в Российскую Федерацию. Государство-участник выражает согласие с оценкой Миграционной службы и Миграционного суда относительно того, что показания заявителей содержат противоречивую информацию и не соответствуют общеизвестным фактам об их стране происхождения. Таким образом, государство-участник считает, что заявители не предоставили правдоподобных сведений, и рассмотрит ниже обстоятельства, имеющие значение для оценки достоверности утверждений заявителей в этой связи.

4.16 Во-первых, для того, чтобы подтвердить свою личность, заявители представили принадлежащий первому заявителю военный билет, внутренний паспорт второго заявителя и свидетельства о рождении третьего, четвертого и пятого заявителей. Государство-участник согласно с мнением Миграционной службы и Миграционного суда относительно того, что вышеупомянутые документы не подтверждают в достаточной степени личность заявителей. Как отметила Миграционная служба, военный билет первого заявителя был выдан давно, носит простой характер и не содержит никаких недавних отметок. Кроме того, в паспорте второго заявителя отсутствует вторая страница, на которой российские власти отмечают дату и место выдачи загранпаспортов или предыдущих внутренних паспортов. Второй заявитель не смогла представить разумного объяснения того, почему в ее внутреннем паспорте отсутствует одна страница. Кроме того, свидетельства о рождении третьего, четвертого и пятого заявителей носят простой характер, не содержат фотографий и не поддаются проверке. В этой связи государство-участник разделяет мнение Миграционной службы относительно того, что заявители, весьма вероятно, скрывают важную для процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища информацию.

⁹ Государство-участник ссылается, к примеру, на сообщение № 219/2002, *Г.К. против Швеции*, решение, принятое 7 мая 2003 года, пункт 6.12.

4.17 В свете этих выводов и в связи с тем, что представленная заявителями информация об их переезде из Ингушетии в Швецию является расплывчатой и недостаточно подробной, государство-участник, так же как и Миграционная служба, не может исключить возможность того, что заявители покинули Российскую Федерацию на законных основаниях по собственным загранпаспортам при наличии шенгенской визы или что они проживали за пределами Чечни до отъезда в Швецию. Кроме того, хотя лингвистическая экспертиза указывает, что заявители являются выходцами из Чечни, не было представлено каких-либо документов, подтверждающих их последнее место проживания. Таким образом, государство-участник разделяет мнение Миграционной службы относительно того, что заявители могли проживать в другой части Российской Федерации до отъезда в Швецию. Поэтому государство-участник считает, что, хотя заявители и подтвердили, что они являются гражданами Российской Федерации, они не смогли убедительно доказать, что их последним местом проживания являлась Чечня.

4.18 Кроме того, первый и второй заявители утверждали, что принадлежат к меньшинству мелхи, которое подвергается дискриминации и притеснениям со стороны российских властей. Государство-участник, однако, отмечает, что заявители не утверждали, что они лично подвергались каким-либо притеснениям по причине их этнического происхождения и не просили предоставить им убежище исключительно на этом основании. В любом случае государство-участник считает, что то обстоятельство, что авторы принадлежат к группе мелхи, само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что их высылка в Российскую Федерацию представляла бы собой нарушение статьи 3 Конвенции.

4.19 Первый заявитель сообщил Комитету, что он активно сражался в рядах повстанческих сил во время первой войны с Российской Федерацией в период с 1994 по 1996 год и что он представляет интерес для российских властей в связи с его контактами с лидерами повстанцев Шамилем Басаевым и Доку Умаровым. В то же время государство-участник отмечает, что первый заявитель не сообщал национальным миграционным властям о том, что российские власти инициировали какое-либо официальное расследование в его отношении в связи с его предполагаемыми контактами с лидерами повстанцев. Кроме того, как явствует из имеющейся информации по стране происхождения, власти страны, по всей видимости, заинтересованы в первую очередь в поиске повстанцев, которые были активны на протяжении последних нескольких лет, и более не проявляют интереса к тем, кто не вел активную деятельность в последние годы. Государство-участник отмечает также, что, если бы первый заявитель действительно поддерживал повстанцев и имел контакты с Доку Умаровым, как он заявляет, власти вряд ли оставили бы его в покое. Кроме того, несмотря на то, что первый заявитель сообщил Комитету о том, что он помогал повстанцам в 2007 и 2008 годах, доставляя им продовольствие и медикаменты, не высказывалось мнение о том, что это могло дойти до сведения властей. Напротив, первый заявитель сообщил Комитету, что он старался не афишировать свою деятельность в это время и, таким образом, не привлекал внимание властей. В свете вышесказанного государство-участник полагает, что маловероятно, что эта его деятельность могла привести к угрозам со стороны властей в отношении первого заявителя.

4.20 Кроме того, первый заявитель сообщил Комитету, что он открыто критиковал режим после смерти своего брата в 2003 году. Он заявил также, что после этого власти начали следить за ним. Однако он не смог уточнить, в какой форме выражалась его критика и почему он был уверен в том, что власти действительно

но следили за ним и факт слежки не объяснялся лишь его собственными домыслами. Таким образом, по мнению государства-участника, заявители не смогли в достаточной степени подтвердить, что они нуждаются в защите на этом основании.

4.21 Первый заявитель утверждает также, что в 2007 году он был арестован по подозрению в причастности к убийству сотрудника полиции. Он заявил, что во время его ареста, который длился десять дней, его жестоко избивали и пытали электричеством. Однако в ходе внутренней процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, первый заявитель представил противоречивые сведения о причине своего ареста. Во-первых, в ходе беседы, проведенной Миграционной службой 13 апреля 2012 года, он заявил, что в 2007 году ему было предъявлено обвинение в убийстве семи человек и что, как следствие, его арестовали и подвергли пыткам. Однако в ходе другой беседы с Миграционной службой 14 марта 2012 года он заявил, что, когда 22 августа 2007 года был убит друг его племянника, полиция нашла его номер телефона в мобильном телефоне убитого. На следующий день он получил звонок от сотрудников полиции с требованием передать им его сим-карту, что и привело к его аресту. Кроме того, в ходе устного слушания дела в Миграционном суде первый заявитель сообщил, что он обменялся телефонными номерами с другом своего племянника и что впоследствии полиция города Грозный просила его прийти в участок. Там ему показали фотографию тела друга его племянника, который, по словам полицейских, убил семерых сотрудников полиции. Затем первый заявитель был допрошен о контактах с другом его племянника и подвергнут пыткам электричеством. Помимо этого, в ходе беседы, состоявшейся 3 апреля 2012 года, второй заявитель сообщила, что мобильный телефон, в котором был записан номер ее мужа, был найден рядом с убитым сотрудником полиции и что именно это послужило причиной ареста ее мужа. Она полагает, что это произошло в 2007 году. Государство-участник, так же как и Миграционный суд, приходит к выводу, что заявители не представили разумное объяснение вышеупомянутых несоответствий, которые, таким образом, негативно сказываются на правдоподобности представляемой ими информации.

4.22 Ни Миграционная служба, ни Миграционный суд не поставили под сомнение правдивость утверждения первого заявителя о применении к нему пыток. Проведение медицинского исследования для подтверждения этих утверждений не было признано необходимым. Государство-участник разделяет мнение Миграционной службы и Миграционного суда относительно того, что факт применения пыток в отношении первого заявителя в 2007 году сам по себе не является достоверным подтверждением того, что ему или членам его семьи угрожала опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в страну их происхождения. Государство-участник считает важным подчеркнуть, что, как установила Миграционная служба, первый заявитель признал, что проживал в Чечне после 2007 года, не сообщая о каких-либо конкретных угрозах до конца 2011 года. Кроме того, как отметил Миграционный суд, при оценке необходимости предоставления защиты необходимо опираться на текущее положение в области безопасности, учитывая соответствующую информацию по стране происхождения заявителя. Имеющаяся информация по стране свидетельствует о том, что характер конфликта в Чечне изменился за последние годы. Согласно сообщениям, чеченские повстанцы теперь борются не за независимость Чечни от Российской Федерации, а за формирование панкав-

казского исламского государства, основанного на законах шариата¹⁰. Таким образом, как уже отмечалось выше, власти в первую очередь заинтересованы в поиске повстанцев, которые участвуют в боевых действиях в настоящее время, и более не проявляют интереса к повстанцам, которые не вели активную деятельность в последние годы. В свете вышесказанного государство-участник выражает согласие с мнением Миграционной службы и миграционных судов относительно того, что первый заявитель в настоящее время не рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, на этих основаниях.

4.23 Кроме того, первый заявитель представил две повестки о его вызове на допрос в полицию в качестве подозреваемого. По его словам, повестки были направлены на его бывший домашний адрес в Чечне. Новый владелец дома передал повестки сестре первого заявителя, которая затем направила их ему в Швецию. Государство-участник разделяет мнение Миграционной службы и Миграционного суда относительно того, что сами по себе повестки не являются достаточным обоснованием необходимости предоставления защиты заявителям. В этой связи государство-участник отмечает, во-первых, что повестки носят простой характер и, таким образом, имеют небольшую доказательную силу; во-вторых, в повестках не указано, в совершении какого преступления он подозревается; и, в-третьих, повестки не могут быть напрямую связаны с первым заявителем, так как он не смог достоверно подтвердить свою личность.

4.24 Поскольку заявители не смогли в достаточной степени обосновать свою потребность в защите за счет представленных письменных свидетельств, Шведская миграционная служба и миграционные суды проанализировали, могут ли устные свидетельства заявителей обосновать необходимость предоставления им защиты со стороны Швеции. В этой связи государство-участник отмечает, что при оценке достоверности сведений, содержащихся в ходатайстве о предоставлении убежища, основное внимание, как правило, уделяется связанности истории и отсутствию внутренних противоречий. Кроме того, описанные обстоятельства не должны противоречить общепризнанным фактам. Помимо этого, важно, чтобы основные аспекты истории оставались неизменными в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища различными органами.

4.25 Государство-участник сообщает, что Миграционная служба и Миграционный суд не сочли представленные заявителями основания для предоставления им убежища достоверными, так как их показания относительно событий 7 сентября 2011 года не совпадают. Например, при подаче ходатайства о предоставлении убежища первый заявитель утверждал, что он находился в доме родственника во время ареста его племянника. Он далее заявил, что он покинул дом в ночь с 4 на 5 сентября 2011 года. Однако, в ходе расследования, проведенного Миграционной службой, первый заявитель сообщил, что он и его семья были дома и спали, когда их сосед, ранним утром 7 сентября 2011 года, сообщил им, что около дома племянника стоят военные машины. Первый заявитель отправился тогда к дому своего племянника, чтобы узнать, что произошло, но племянника уже увезли, и первый заявитель вернулся домой. В ходе устного слушания дела в Миграционном суде первый заявитель, однако, представил третью версию событий 7 сентября 2011 года, в которой 4 и 5 сентября не упоминались вообще. Первый заявитель затем утверждал, что он не вернулся до-

¹⁰ Государство-участник ссылается на Норвежский информационный центр по странам происхождения «*Temanotat Tsjetsjenia: Tsjetsjenske myndigheters reaksjoner mot opprørere og personer som bistår opprørere*», pp. 5 and 14–16, и «*Temanotat Tsjetsjenia: Sikkerhetssituationen*».

мой после того, как посетил дом своего племянника. Вместо этого он направился оттуда прямо в сельский центр, где взял такси и уехал домой к своему другу в Ингушетию. По мнению государства-участника, вышеупомянутые несоответствия отрицательно сказываются на правдоподобности показаний первого заявителя.

4.26 Кроме того, первый заявитель представил противоречивую информацию о том, как и когда он получил телефонный номер мужчины, который мог ему помочь. Он заявил Миграционной службе, что он получил этот номер, сделав несколько телефонных звонков из дома, после того как вернулся от своего племянника. В Миграционном суде, однако, он сообщил, что получил номер от водителя такси в сельском центре, куда он поехал после посещения дома своего племянника.

4.27 Кроме того, второй заявитель также представила противоречивые показания относительно событий 7 сентября 2011 года. Миграционной службе она сообщила, что первый заявитель вернулся домой после посещения своего племянника и только потом отправился в сельский центр. Однако в ходе устного слушания дела в Миграционном суде она заявила, что тоже ходила к дому племянника, где встретила своего мужа, который затем отправился в сельский центр. Государство-участник выражает согласие с мнением Миграционного суда, что тот факт, что ни первый ни второй заявители не могут точно вспомнить события того дня, является странным, в особенности учитывая, что эти события произошли в один и тот же день и имели, предположительно, настолько радикальный характер, что первый заявитель был вынужден бежать из дома, оставив свою жену и троих детей. Тот факт, что показания как первого, так и второго заявителей, имеют внутренние противоречия и не совпадают друг с другом, по мнению государства-участника, отрицательно сказывается на правдоподобности показаний заявителей.

4.28 Кроме того, второй заявитель представила отличающиеся друг от друга версии продажи их дома. Она сообщила Миграционной службе, что дом был куплен посредником, который скупает дешевые дома и затем продает их по более высокой цене. В Миграционном суде она, однако, заявила, что дом был куплен мужчиной по имени Хусейн, который разрешил ей и ее детям оставаться в доме до тех пор, пока они не переехали в дом друга первого заявителя в Ингушетии.

4.29 Кроме того, во время рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища Миграционной службой первый заявитель на вопрос о том, разыскивают ли его власти Российской Федерации, ответил, что вероятно разыскивают. В последующем письменном представлении он, однако, заявил, что его друг узнал о том, что первый заявитель разыскивается федеральными властями, когда увидел плакат с его фотографией 20 февраля 2012 года, т.е. когда первый заявитель, по его утверждениям, все еще находился на территории страны своего происхождения. В связи с этим государство-участник считает, что показания первого заявителя по этому вопросу противоречат друг другу.

4.30 Кроме того, значительная часть представлений заявителей состояла из их собственных умозаключений, например, утверждения о том, что первый заявитель был снят с помощью камеры видеонаблюдения во время въезда в Грозный и предположения, что его племянник сообщил его имя властям после того, как его подвергли пыткам. Эти заявления не были подкреплены какой-либо объективной информацией. Кроме того, заявления, с которыми заявители выступали в ходе национального процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, во многих аспектах не являлись ни обоснованными, ни правдоподобными.

ными. Если сотрудники полиции действительно подозревали, что машина первого заявителя использовалась в связи с террористическими актами, то, что они сожгли ее после обыска у него дома, кажется нецелесообразным. Кроме того, не представляется разумным тот факт, что после ареста племянника первого заявителя полицейские не направились к нему домой и не арестовали его самого, учитывая, что они жили всего в нескольких сотнях метров друг от друга. Государство-участник отмечает, что, если первый заявитель получал угрозы со стороны властей, с его стороны было бы разумно предупредить свою семью и немедленно бежать из дома всем вместе, в частности с учетом того, что первый заявитель утверждает, что подвергался преследованию в прошлом.

4.31 Государство-участник сообщает также, что содержащаяся в деле информация свидетельствует о том, что ни первый заявитель, ни кто-либо из членов его семьи не подвергались каким-либо видам обращения, на основании которых им могла бы быть предоставлена защита, после 2007 года. В свете вышеизложенного Миграционный суд пришел к выводу, что заявители не смогли достоверно подтвердить, что власти страны их происхождения заинтересованы в их поимке или что их возвращение домой будет грозить им обращением, дающим основание для предоставления им защиты.

4.32 Таким образом, государство-участник полагает, что некоторые аспекты утверждений заявителей не являются правдоподобными, поскольку заявители меняли свои показания в ходе разбирательства, а приведенные ими основания для предоставления убежища содержат противоречивые элементы. В связи с этим представленные заявителями сведения не являются правдоподобными, а приведенные ими обстоятельства недостаточны для доказательства того, что предполагаемая опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, реальной и личной. Соответственно, приведение в исполнение предписания о высылке в данных обстоятельствах не представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции. Поскольку жалоба заявителей, поданная на основании статьи 3, не отвечает минимальным требованиям к предъявляемым доказательствам для целей определения приемлемости сообщения, его следует признать неприемлемым как явно необоснованное.

4.33 Что касается существа дела, то государство-участник вновь заявляет, что настоящее сообщение не свидетельствует о наличии каких-либо нарушений Конвенции.

Комментарии заявителей

5.1 В своем представлении от 6 октября 2014 года заявители утверждают, что замечания государства-участника противоречат докладам о ситуации с правами человека в Российской Федерации, и, в частности, докладу Департамента по вопросам международного права, прав человека и договорного права Министерства иностранных дел Швеции¹¹. В нем отмечалось, что наиболее серьезные нарушения против прав человека все еще происходят на Северном Кавказе; во имя борьбы с терроризмом на гражданское население обрушиваются бесчинства в виде пыток, произвольных арестов и похищений; поступают неподтвержденные сообщения о санкционируемых властями политических убийствах и исчезновениях; силы безопасности продолжают нападения на гражданское население, как правило, без каких бы то ни было судебных последствий; многие жертвы осмеливаются сообщить о преступлениях из-за боязни репрессий; и поэтому трудно получить надежную статистику преступлений, представ-

¹¹ Заявители представляют ссылку на доклад, доступный только на шведском языке.

ляющих собой нарушения прав человека, в Чечне. Заявители отмечают, что в докладе описываются факты регулярного издевательства над заключенными, нападения на тех, кто осмеливается сообщить о преступлениях, а также отсутствие правосудия для жертв и непривлечения виновных к ответственности в стране. Они утверждают, что проведенный государством-участником анализ якобы изменившегося характера конфликта является «сомнительным или не относящимся к делу» и что, как сообщает бывший Комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг, в Чечне царит атмосфера террора. Они утверждают, что поиск ответа на вопрос, кто подвергается риску, а кто нет, является «интеллектуальным упражнением, не имеющим ничего общего с реалиями на местах». Они ссылаются на заявление Парламентской ассамблеи Совета Европы¹², в котором ситуация в Чечне описывается как «климат пронизывающего страха», упоминаются исчезновения оппонентов правительства и правозащитников, репрессии против семей подозреваемых боевиков и запугивание средств массовой информации и гражданского общества, – и все это в атмосфере «персонализации власти». Они отмечают далее, что бывший Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека также призывал к привлечению виновных к ответственности и ссылался¹³ на ряд серьезных проблем, включая убийства, запугивание и преследование правозащитников, проводящих расследования журналистов и независимых средств массовой информации, а также на предполагаемые грубые судебные ошибки во время своей поездки в Российскую Федерацию в 2011 году. Наконец, они ссылаются на *Всемирный доклад «Хьюман райтс уотч» за 2014 год*, в котором описываются аналогичные правонарушения¹⁴. Они утверждают, что их историю следует рассматривать с учетом всех этих фактов.

5.2 Заявители вновь утверждают, что первый заявитель активно сражался на стороне повстанцев во время конфликта 1994–1996 годов; что после возобновления военных действий в 1999 году он продолжал оказывать поддержку силам сопротивления, доставляя продовольствие партизанам. Они утверждают далее, что брат первого заявителя неоднократно подвергался жестокому избиению, а впоследствии был убит во время содержания под стражей в 2003 году, поскольку, как предполагается, он вел активную деятельность на стороне сил сопротивления; что первый заявитель открыто выступал с критикой в адрес режима и периодически находился под наблюдением властей; что в 2007 году его арестовали и подвергли избиению и пыткам; что, после его освобождения, он продолжил доставлять продовольствие и снабжение партизанам; что после взрывов в Грозном в 2011 году его племянник был арестован, и первый заявитель опасался, что он будет назван в качестве подозреваемого лица, поскольку племянника будут пытать, и властям станет известно о его деятельности. Они утверждают, что первый заявитель принял решение бежать в Ингушетию с учетом вышесказанного.

5.3 Что касается противоречий в их показаниях, то заявители утверждают, что в них имелись незначительные несоответствия, не умаляющие их правдоподобности и что согласно современным исследованиям заявлений и свиде-

¹² Заявители ссылаются на новостную заметку, опубликованную на веб-сайте Совета Европы 22 июня 2010 года, которая имеется по адресу <http://assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=2970&lang=2>.

¹³ Заявители ссылаются на новостную заметку от 23 февраля 2011 года, в которой говорится о поездке Верховного комиссара в Россию, озаглавленную «Human rights chief calls for accountability on her mission to the Russia». Имеется по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/HCMissionToRussia.aspx.

¹⁴ Заявители ссылаются на www.hrw.org/world-report/2014/country-chapters/russia.

тельских показаний неоднократно повторяемые показания без каких-либо несоответствий свидетельствуют о «заучивании наизусть» и, таким образом, снижают правдоподобность сказанного¹⁵. Что касается подтверждения их личности, заявители сообщили, что представленные ими документы не соответствуют западным стандартам, что, однако, никак не влияет на сам вопрос установления их личности. Что касается повесток, то заявители утверждают, что много лет назад было решено, что «повестки будут выглядеть именно так» и что они не понимают, почему государство-участник выступает с очевидными заявлениями, «если только это делается не для того, чтобы намекнуть на то, что документы не являются подлинными».

5.4 Заявители сообщают, что их последнее место жительства не может быть подтверждено документами, удостоверяющими их личность, но заявляют, что это не имеет никакого отношения к рассмотрению ходатайства о предоставлении убежища. Они ссылаются на письмо УВКБ (копия представлена), заявляя, что для беженца из Чечни было бы неразумно искать убежища в других районах Российской Федерации. Они утверждают далее, что первый заявитель подвергался избиению и пыткам со стороны властей в Российской Федерации. Государство-участник согласилось с этими показаниями, но затем «предпочло игнорировать свои обязательства, предусмотренные не только его внутренними документами, но и международными правовыми прецедентами». Они ссылаются на решение Европейского суда по правам человека от 9 марта 2010 года *P.C. против Швеции* (заявление № 41827/07), в котором говорится, что если какое-либо лицо подвергалось пыткам со стороны властей на территории страны, то следует ожидать, что пытки повторяться снова. Это решение рассматривалось Миграционной службой в ее внутренней инструкции, подписанной исполнявшим в то время обязанности Руководителя по правовым вопросам. В другой внутренней инструкции Руководитель по правовым вопросам отметил, что просители убежища должны пройти медицинское обследование, для того чтобы выявить полученные в результате применения пыток травмы. Наконец, первый заявитель вновь заявляет, что его брат был убит во время содержания под стражей российскими властями и что его племянник, арестованный в 2011 году, пропал без вести; с учетом ситуации с правами человека в Российской Федерации вполне разумно предположить, что он также был убит. Таким образом, заявители утверждают, что имеет место явная практика систематического личного притеснения и преследования и что существуют достаточные основания полагать, что риск применения пыток в отношении первого заявителя является реальным, неминуемым и весьма вероятным.

Дополнительные замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

6.1 В своем представлении от 19 января 2015 года государство-участник сообщило в связи с утверждениями заявителей о нынешней общей ситуации с правами человека в Российской Федерации, что информацию о положении в области прав человека в Российской Федерации можно найти в последних докладах, и предположило, что Комитет осведомлен об общей ситуации с правами человека в стране, включая ситуацию на Северном Кавказе. Государство-участник не желает недооценивать озабоченности, которые могут на законных основаниях высказываться в связи с нынешней ситуацией с правами человека в Российской Федерации, а именно – в регионе Северного Кавказа; тем не менее

¹⁵ Заявители ссылаются на B. Uttl, N. Ohta, and A.L. Siegentahler (eds.), *Memory and Emotion: Interdisciplinary Perspectives* (Singapore, Blackwell Publishing), pp. 59–82.

оно утверждает, что сама по себе нынешняя ситуация в Чечне не является достаточным основанием, чтобы констатировать, что общая ситуация в регионе такова, что высылка заявителей повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции¹⁶. Поэтому государство-участник утверждает, что высылка заявителей в Российскую Федерацию повлекла бы за собой нарушение Конвенции, только если они смогли бы доказать, что им лично грозил бы риск подвергнуться обращению, противоречащему статье 3.

6.2 Государство-участник хотело бы вновь отметить также, что ни Миграционная служба, ни Миграционный суд не поставили под сомнение правдивость утверждения первого заявителя о применении к нему пыток. Проведение медицинского исследования для подтверждения этих утверждений в этой связи не было признано необходимым. Несмотря на подобный вывод, государство-участник полагает, так же как и Миграционная служба и Миграционный суд, что факт применения пыток в отношении первого заявителя в 2007 году сам по себе не является достоверным подтверждением того, что ему или членам его семьи угрожала опасность обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в страну их происхождения.

6.3 Государство-участник считает, что ряд факторов дают основания поставить под сомнение правдивость утверждения заявителей о том, что им будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции в случае возвращения в Российскую Федерацию. В этой связи государство-участник выражает согласие с оценкой Миграционной службы и Миграционного суда относительно того, что показания заявителей содержат противоречивую информацию и не соответствуют общеизвестным фактам об их стране происхождения.

6.4 Таким образом и в свете вышеизложенного и первоначальных замечаний государства-участника, государство-участник утверждает, что заявители не смогли достоверно подтвердить, что власти Российской Федерации заинтересованы в их поимке или что их возвращение домой будет грозить им обращением, дающим основание для предоставления им защиты. Поэтому государство-участник полагает, что, как было установлено национальными органами, показания заявителей являются неправдоподобными, а приведенные ими обстоятельства недостаточны для доказательства того, что предполагаемая опасность подвергнуться пыткам является предсказуемой, реальной и личной. Таким образом, приведение в исполнение решения о высылке в нынешних обстоятельствах не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

6.5 Наконец, государство-участник подчеркивает, что оно полностью подтверждает свою позицию относительно приемлемости и существа настоящего сообщения, выраженную в его замечаниях от 11 июля 2014 года.

Вопросы и порядок их рассмотрения Комитетом

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно статье 22 Конвенции. Комитет убедился, как это предписывает подпункт а) пункта 5 статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматри-

¹⁶ Государство-участник ссылается, к примеру, на дело Европейского суда по правам человека *И. против Швеции*, заявление № 61204/09, постановление от 5 сентября 2013 года, пункт 58.

вался и не рассматривается по другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 Комитет напоминает, что в соответствии с подпунктом b) пункта 5 статьи 22 Конвенции он не рассматривает то или иное сообщение от частного лица, если он не удостоверился в том, что это лицо исчерпало все доступные для него внутренние средства правовой защиты. Комитет принимает к сведению заявление государства-участника относительно того, что оно не оспаривает факт исчерпания в настоящем деле всех внутренних средств правовой защиты, и полагает, что требования пункта 5 b) статьи 22 Конвенции не препятствуют рассмотрению им данного сообщения.

7.3 Комитет принимает к сведению заявление государства-участника о том, что сообщение является явно необоснованным и, следовательно, неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции. Комитет, однако, считает, что в жалобе поднимаются существенные вопросы, затрагивающие статью 3 Конвенции, и что эти вопросы должны рассматриваться по существу. При отсутствии других препятствий для признания жалобы приемлемой Комитет признает ее приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 В связи с утверждением первого заявителя по статье 3 Конвенции Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что ему будет угрожать личная опасность применения пыток в случае его возвращения в Российскую Федерацию. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит¹⁷. Однако практика вопиющих грубых или массовых нарушений прав человека в стране сама по себе не является достаточной причиной для определения того, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае его возвращения в страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам.

8.3 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 (1997 год) об осуществлении статьи 3 Конвенции, в соответствии с которым при оценке степени угрозы применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументировано изложить, что ему/ей

¹⁷ См. в частности, сообщение № 470/2011, *X. против Швейцарии*, решение, принятое 24 декабря 2014 года.

угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность¹⁸. Комитет далее напоминает, что в соответствии со своим замечанием общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника¹⁹, но при этом не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу.

8.4 В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник признало, что сообщения о нарушениях прав человека в Российской Федерации, включая исчезновения, жестокое обращение, пытки и убийства, все еще поступают. Тем не менее, не недооценивая озабоченности, которые могут на законных основаниях высказываться в связи с нынешней ситуацией с правами человека в Российской Федерации, а именно – в регионе Северного Кавказа, государство-участник отметило, сама по себе нынешняя ситуация в Чечне, как она описана в вышеупомянутых докладах, не является достаточным основанием, чтобы констатировать, что общая ситуация в регионе такова, что высылка заявителей повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции.

8.5 При оценке риска применения пыток в данном случае Комитет принимает к сведению утверждение заявителей о том, что имеется предсказуемый, реальный и личный риск того, что первый заявитель будет подвергнут тюремному заключению и пыткам в случае возвращения в Российскую Федерацию. Комитет отмечает утверждения заявителей о том, что брат первого заявителя неоднократно подвергался жестокому избиению и был убит во время содержания под стражей в 2003 году, поскольку, как предполагается, он вел активную деятельность на стороне сил сопротивления; что первый заявитель открыто выступал с критикой в адрес режима и периодически находился под наблюдением властей; что в 2007 году его арестовали и подвергли избиению и пыткам; что, после его освобождения, он продолжил доставлять продовольствие и снабжение партизанам; что после взрывов в Грозном в 2011 году его племянник был арестован; и что первый заявитель опасался, что он будет назван в качестве подозреваемого лица, поскольку племянника будут пытать, и властям станет известно о его деятельности.

8.6 Что касается позиции государства-участника относительно оценки риска для первого заявителя подвергнуться пыткам, Комитет отмечает, что государство-участник признало, что заявитель подвергался пыткам в 2007 году, и что оно не ставит под сомнение его рассказ о том, что его брат и племянник были связаны с чеченскими силами сопротивления, его брат скончался во время содержания под стражей, а его племянник был арестован в 2011 году. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник ставит под сомнение другие аспекты показаний заявителей, а именно утверждение, что их последним местом жительства была Чечня и точные сведения о событиях 7 сентября 2011 года, которые привели к отъезду первого заявителя из Чечни. Комитет, однако, полагает, что от жертв пыток редко следует ожидать полной точности и что подобные несоответствия, которые могут существовать в изложении фактов, представленных заявителями, не имеют существенного значения и не вызывают сомне-

¹⁸ См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, решение, принятое 14 ноября 2003 года; № 258/2004, *Дадар против Канады*, решение, принятое 23 ноября 2005 года.

¹⁹ См. в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, решение, принятое 6 мая 2010 года, пункт 7.3.

ний в правдивости их утверждений²⁰. Кроме того, государство-участник заявило, что повестки, направленные первому заявителю носили простой характер и, таким образом, имели низкую доказательную ценность и не содержали информации относительно того, в совершении какого преступления он подозревался.

8.7 Комитет отмечает, что, даже не принимая во внимание факты, являющиеся предметом разбирательства, он по-прежнему не сомневается в том, что первый заявитель подвергался аресту и пыткам в прошлом по причине того, что его подозревали в поддержке сепаратистской деятельности в Чечне; что члены его семьи подвергались преследованию в связи с такой его деятельностью; и что власти Российской Федерации разыскивали его после его отъезда из страны, о чем свидетельствуют представленные повестки, хотя и неясно, в каких целях. Принимая во внимание общую ситуацию с правами человека в Чечне, в частности тот факт, что согласно собственным представлениям государства-участника, имеются достоверные сообщения о том, что лица, которые, как считается, связаны с деятельностью боевиков, подвергаются более высокому риску быть произвольно арестованными или подвергнуться пыткам, Комитет приходит к выводу, что первый заявитель доказал наличие предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам в случае возвращения в Российскую Федерацию.

9. Таким образом, Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, делает вывод о том, что принудительная высылка Р.Г. в страну его происхождения будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

10. Что касается жены Р.Г. и их четверых детей, которые на момент подачи семьей ходатайства о предоставлении убежища являлись несовершеннолетними, то Комитет не считает нужным рассматривать их дела отдельно.

11. В свете вышеизложенного Комитет, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, заключает, что возвращение заявителей в Российскую Федерацию государством-участником будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

12. Комитет полагает, что государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от принудительного возвращения заявителей в Российскую Федерацию либо в любую другую страну, в которой им может угрожать опасность высылки или возвращения в Российскую Федерацию. Согласно пункту 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о принятых мерах в связи с вышеизложенными соображениями.

²⁰ См., например, сообщения № 21/1995, *Алан против Швейцарии*, соображения, принятые 31 января 1995 года, пункт 11.3; и № 43/1996, *Тала против Швеции*, соображения, принятые 15 ноября 1996 года, пункт 10.3; № 41/1996, *Кисоки против Швеции*, соображения, принятые 8 мая 1996 года, пункт 9.3.